



•
ФАННИ
БЕРНИ

— — — — —
ЭВЕЛИНА,
ИЛИ ИСТОРИЯ
ВСТУПЛЕНИЯ ЮНОЙ
ЛЕДИ В СВЕТ
•

NEOCLASSIC
ПРОЗА

Neoclassic проза

Фанни Берни

**Эвелина, или История
вступления юной леди в свет**

«Издательство АСТ»

1778

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Берни Ф.

Эвелина, или История вступления юной леди в свет / Ф. Берни —
«Издательство АСТ», 1778 — (Neoclassic проза)

ISBN 978-5-17-180239-4

«Эвелина» — роман в письмах, впервые изданный анонимно в 1778 г., и сразу же ставший популярным среди читателей. Это настоящий путеводитель по Лондону XVIII века и в то же время острая социальная сатира, полная ярких сцен из жизни светского общества. В центре сюжета — история взросления искренней и добродушной девушки Эвелины Энвилл, воспитанницы сельского священника, которой пришлось столкнуться с нравами ханжеского общества. Удастся ли Эвелине, раздираемой стремлением к любви и страхом публичного осуждения, сохранить верность себе перед лицом постоянных искушений и испытаний?

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-180239-4

© Берни Ф., 1778

© Издательство АСТ, 1778

Содержание

Предисловие	6
Книга I	9
Письмо I	9
Письмо II	11
Письмо III (написано несколькими месяцами позже)	14
Письмо IV	15
Письмо V	17
Письмо VI	18
Письмо VII	19
Письмо VIII	20
Письмо IX	21
Письмо X	22
Письмо XI	25
Письмо XII	30
Письмо XIII	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Фанни Берни
Эвелина, или История
вступления юной леди в свет

Перевод с английского *Я. Колодиной*

Стихи в переводе *С. Лихачевой*

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Половцева*

© Перевод, предисловие, примечания. Я. Колодина, 2025

© Перевод, стихи. С. Лихачева, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

Предисловие

Фрэнсис (или, как ее часто называют, Фанни) Берни (1752–1840), популярная английская писательница рубежа XVIII–XIX вв. прежде не была широко известна русскоязычной публике.

Переводы ее произведений «Сесилия», «Камилла» и наиболее успешного романа «Эвелина, или История вступления юной леди в свет» были сделаны при жизни писательницы и не могут претендовать на полноту и точность. Так, перевод «Эвелины» на русский 1798 года был выполнен не с английского языка, а с французского.

Однако Фрэнсис Берни и ее творчество однозначно заслуживают внимания читателя.

Дочь музыковеда, музыканта, композитора Чарлза Берни (1726–1814) и французенки католического вероисповедания Эстер Слип (в девичестве – Дюбуа, что впоследствии найдет свое отражение в «Эвелине...»), будущая писательница была третьей из шестерых детей.

Девочка с юных лет проявляла интерес к театру и литературе. С детства вместе с братьями и сестрами они ставили спектакли в домашнем театре, а Фанни сочиняла и свои собственные истории. В отличие от старших сестер, Эстер и Сюзанны, ее не отправили на обучение в Париж, и она училась сама, читая античную литературу, стихи, проповеди, романы и пьесы.

В 1760 году Чарлз Берни перевез семью из Кингс-Линна, городка в Норфолке, в Лондон; в его доме регулярно собирались известные личности, в том числе актер Дэвид Гаррик (1716–1779), литературный критик и поэт Сэмюэл Джонсон (1709–1784) и другие. Такой изысканный круг общения не мог не оказать влияния на его дочь, у которой с детства развился хороший вкус и любовь к искусству. Но особенную роль в жизни Берни сыграл друг семьи, драматург Сэмюэл Крисп (1707–1783): позже именно Криспу юная Берни писала письма, в которых рассказывала о своей лондонской жизни, что поспособствовало развитию ее литературного таланта. Отголоски этой переписки заметны в посланиях Эвелины к мистеру Вилларсу.

Первым романом Берни, увидевшим свет, стала «Эвелина, или История вступления юной леди в свет». Книгу издали в 1778 году, причем Фанни попыталась замаскировать свой почерк и отправила издателю рукопись анонимно, боясь неодобрения отца и мачехи (мать писательницы умерла, когда ей было десять лет, отец женился повторно в 1767 году). Произведение сразу же достигло успеха, и Чарлз Берни всячески поддержал дочь.

В 1779 году Берни написала комедию «Уитлинги», высмеивающую лондонское общество. Театр Друри-Лейн был готов поставить пьесу, но в этом случае и отец, и Крисп посчитали, что женщине не подобает быть драматургом. Впрочем, талант драматурга в Берни не пропал: в «Эвелину» она включила множество гротескных, написанных в театральном духе сенок и диалогов, ярко раскрывающих характеры персонажей.

В 1782 году в свет выходит «Сесилия» – роман, цитата из которого послужила названием для известного романа Джейн Остен. Слова «Гордость и предубеждение» Остен скорее всего взяла именно оттуда. Произведение пользовалось популярностью – в нем описывается судьба богатой девушки, потерявшей состояние из-за своих расточительных светских знакомых.

Берни была представлена ко двору Георга III и королевы Шарлотты в 1785 году. Впоследствии она стала хранительницей гардеробной королевы. Однако эта работа не оставляла Фрэнсис времени на писательство. Пять лет спустя она все еще была не замужем, а здоровье ее ухудшилось. Пост при дворе пришлось оставить.

Когда началась Великая французская революция, Берни была одной из тех, кто поддерживал идеи социального равенства и свобод. В 1789 году она познакомилась с Александром д'Арбле (1754–1818), генерал-адъютантом маркиза Жильбера де Лафайета. Во время революции д'Арбле пришлось бежать из Франции. В 1793 году Берни стала его женой, вскоре появился на свет ее единственный сын. В 1796 году она пишет роман «Камилла», который буквально спасает семью от бедности: на полученные две тысячи фунтов получилось приобрести дом

в Суррее. В этом произведении ощущается влияние романтизма и даже присутствуют готические нотки; перед героиней встает множество моральных дилемм. «Камилла» была очень популярна среди современников. Любопытно, что упоминание этого романа можно встретить в «Нортенгерском аббатстве» Джейн Остен.

В 1801 году мужу Фрэнсис был предложен пост при правительстве Наполеона, и на ближайшие десять лет семья обосновалась во Франции: вернуться в Англию было невозможно из-за разгоревшейся войны. В 1810 году у писательницы был обнаружен рак груди, а в 1811 она без наркоза перенесла операцию – мастэктомию, которую подробно описала в своих дневниках.

Последующие годы мадам д'Арбле провела в разъездах между Англией и Францией, ненадолго ей даже пришлось бежать в Бельгию, пока ее муж был вовлечен в военные действия 1815 года, связанные с временным возвращением к власти Наполеона. В конце концов семья вернулась в Англию, где Александр д'Арбле умер от рака в 1818 году.

События Французской революции нашли отражение в последнем крупном романе Берни под названием «Странница» (1814), который не снискал широкого одобрения публики.

Умерла писательница в 1840 году и была похоронена в Бате рядом со своим сыном, которого пережила на три года.

* * *

Роману «Эвелина, или История вступления юной леди в свет» предшествовал другой роман 1767 года – «История Кэролайн Эвелин», в котором была описана жизнь матери Эвелины. Юная Берни писала его тайком и впоследствии уничтожила рукопись, вероятно, под влиянием мачехи, которая не одобряла творчество пятнадцатилетней падчерицы. Как уже говорилось выше, новая миссис Берни, как и многие ее современники, считала писательство неподобающим для женщины. Однако именно этот сюжет лег в основу данной книги, с которой русскоязычному читателю предстоит познакомиться.

Чем же уникальна «Эвелина»? С одной стороны, это роман взросления. Эвелина, чье имя напоминает нам о библейской Еве (куда заметнее это в английском языке: *Evelina* – *Eve*), покидает свой земной рай, Берри-Хилл, и проходит через всевозможные испытания. Однако в отличие от ричардсоновской Клариссы, Эвелину не ждет грехопадение: благодаря своей стойкости и твердым моральным устоям она обретает счастье в союзе с любимым человеком. Берни отказывается от паттерна, часто встречающегося в литературе XVIII века, когда невинная и наивная героиня оказывается соблазненной и гибнет. Опасные ловеласы вроде сэра Клементы или лорда Мертона, безусловно, встречаются на пути Эвелины, но столкновение с ними не способно ее погубить (тут стоит сравнить ее судьбу с судьбой ее матери, леди Белмонт, которая пострадала от своего пусть законного, но беспринципного мужа).

С другой стороны, этот роман – острая социальная сатира, полная ярких сцен из жизни общества XVIII века. Вместе с Эвелиной читатель наблюдает и за титулованными леди Говард и лордом Орвиллом, и за семьей Брэнгтонов, держащих лавку в непрестижной части Лондона, и за жестоким капитаном Мирваном. Героиня сталкивается даже с проститутками. Устами Эвелины Берни не просто описывает разные социальные слои, но и критически оценивает их представителей: высмеивает напыщенность манер и искусственность некоторых великосветских правил приличия, осуждает грубость, вульгарность и неотесанность, выносит приговор алчности и глупости.

Особо яркого сатирического эффекта Берни удается достичь с помощью точной передачи речи персонажей, в частности, капитана и мадам Дюваль. Берни активно использует прямую речь, не ограничиваясь описаниями, повествование ведется по большей части от лица главной героини – молодой девушки, что придает ему особую живость, а персонажам – реалистичность. Полифонический эффект усиливается за счет использования различных регистров речи.

Наконец, «Эвелина» в свое время была настоящим путеводителем по светской жизни Лондона, и – в меньшей мере – Бристоля и Бата. В романе критически описываются популярные увеселения и публичные места того времени: театры, развлекательные сады, музеи, магазины и т. п. Для нас же это настоящая возможность погрузиться в атмосферу социальной жизни XVIII века: побывать на балу, посмотреть оперу, послушать Генделя под открытым небом и даже заблудиться в опасных темных аллеях садов Воксхолл.

Одним словом, «Эвелина, или История вступления юной леди в свет» – увлекательная книга, однозначно достойная прочтения, которая непременно найдет отклик у любителей классической литературы. А творчество Фанни Берни наконец-то перестанет быть *terra incognita* для русскоязычного читателя.

Я. А. Колодина

Книга I

Письмо I

Леди Говард – к преподобному мистеру Вилларсу. Говард-Гроув, Кент

Что может быть мучительнее для друга, дорогой сэра, чем необходимость сообщить плохие новости? В самом деле, иногда тяжело определить, кто достоин большего сочувствия: рассказчик или тот, кто получает недобрые известия.

Мне только что пришло письмо от мадам Дюваль. Она в полном замешательстве и не знает, как себя повести. По-видимому, она хочет исправить совершенное ею зло и в то же время желает, чтобы все думали, будто ее не в чем упрекнуть. Она бы с радостью переложила на кого-то другого ответственность за те несчастья, в которых повинна лишь она одна. Ее письмо – резкое, иногда оскорбительное, и это *вам* (а ее обязательства перед вами даже больше, нежели ее недостатки)! – *вам!* – она нечестиво вменяет в вину все страдания своей несчастной дочери, покойной леди Белмонт. Я изложу вам основную суть ее письма; само оно недостойно вашего внимания.

Она уверяет меня, что на протяжении многих лет постоянно намеревалась совершить поездку в Англию и потому не расспрашивала в письмах об этом прискорбном деле, надеясь задать вопросы лично. Но семейные обстоятельства удерживали ее во Франции, которую она теперь не видит возможности покинуть. Потому недавно она приложила все усилия к тому, чтобы получить достоверный отчет обо всем, что касалось ее *неблагодаримой* дочери. В результате этих изысканий мадам Дюваль получила *некоторые основания* думать, что на своем смертном одре ее дочь произвела на свет сироту. Она прелюбезно заявляет, что если *вы*, под чью опеку, *как она понимает*, был отдан ребенок, предоставите документы, подтверждающие родство, то сможете отправить дитя к ней в Париж, и она обещает его обеспечить.

Эта женщина, без всяких сомнений, в конце концов признала свое чудовищное поведение. Из ее письма очевидно, что она по-прежнему так же вульгарна и необразованна, как тогда, когда ее первый муж, мистер Эвелин, имел слабость жениться на ней. Она даже не извинилась за то, что обратилась ко мне, хотя я встречалась с ней лишь однажды.

Это письмо пробудило в моей дочери миссис Мирван неодолимое желание узнать о мотивах, которые заставили мадам Дюваль покинуть несчастную леди Белмонт в то время, когда материнское заступничество было особенно необходимо для ее спокойствия и репутации. Несмотря на то, что я лично знакома со всеми участниками дела, подобная тема всегда кажется слишком деликатной для обсуждения с заинтересованными лицами. Я не могу, таким образом, удовлетворить любопытство миссис Мирван иначе, как обратившись к вам.

Говоря, что вы *можете* отослать к ней ребенка, мадам Дюваль намеревается проявить милость там, где имеет обязательства. Я не претендую на то, чтобы давать вам советы, вам, чьему великодушному покровительству беспомощная сирота всем обязана. Вы единственный можете судить, что ей следует делать. Но я очень обеспокоена, что эта недостойная женщина может принести вам лишние затруднения и тревоги.

Мои дочь и внучка присоединяются ко мне и передают привет вашей любезной воспитаннице. Они просят напомнить вам, что ее ежегодный визит в Говард-Гроув, который был нам обещан, откладывается вот уже четвертый год.

С большим почтением, уважаемый сэра, ваша покорная слуга и друг,

М. Говард

Письмо II

Мистер Вилларс – к леди Говард. Берри-Хилл, Дорсетшир

Ваша светлость слишком хорошо предвидели волнение и неудобства, которые породило письмо мадам Дюваль. Но я скорее должен быть благодарен за то, что столько лет меня не беспокоили, нежели сетовать на мое нынешнее затруднение, поскольку оно доказывает, по меньшей мере, что в этой несчастной женщине в итоге пробудились угрызения совести.

Что касается моего ответа, то я покорнейше прошу вашу светлость написать следующее. Я ни в коем случае не хотел бы оскорбить мадам Дюваль, но я имею весомые, нет, неодолимые причины удерживать ее внучку в Англии. Основной из коих является настоятельное пожелание ее матери, чьей воле Эвелина должна безоговорочно повиноваться. Мадам Дюваль может быть уверена, что девочка окружена величайшей заботой и нежностью. Она получает образование, которое, при том, что я желал бы для нее большего, почти что превосходит мои возможности. Смею надеяться, что, когда придет время и Эвелина засвидетельствует свое почтение бабушке, мадам Дюваль не найдет причин для недовольства тем, что было сделано для ее внучки.

Вашу светлость, я уверен, такой ответ не удивит. Мадам Дюваль ни в коей мере не способна подобающим образом опекать Эвелину, а ее общество пагубно для молодой девушки. Она одновременно необразованна и безнравственна, характер ее несдержан, а манеры грубы. Я всегда знал, что она испытывает ко мне неприязнь. Несчастливая женщина! Я могу лишь жалеть ее.

Любая просьба миссис Мирван для меня – закон. Однако, отвечая на ее вопрос, я ради нее же самой буду по возможности краток, поскольку рассказ об ужасных событиях, которые предшествовали рождению моей воспитанницы, не способен послужить развлечением для такой человеколюбивой натуры.

Ваша светлость, возможно, слышали, что я имел честь сопровождать мистера Эвелина, дедушку моей юной воспитанницы, в его путешествиях в качестве наставника. Его злосчастный брак немедленно после возвращения в Англию с мадам Дюваль, тогда служанкой в таверне, заключенный вопреки советам и уговорам всех его друзей, среди которых наиболее ярким противником был я, вынудил его покинуть родную землю и обосноваться во Франции. Туда за ним последовали стыд и раскаяние – этих чувств его сердце не смогло выдержать. Несмотря на то, что мистер Эвелин оказался слишком слаб, чтобы устоять перед внешней красотой (которой природа, покупившись на все другие достоинства, щедрой рукой одарила его жену), он все же был молодым человеком превосходных нравственных качеств и, пока непостижимым образом не влюбился, безупречного поведения. После этого неосмотрительного брака он прожил всего два года. На своем смертном одре дрожащей рукой он написал мне следующее письмо:

Друг мой, забудьте свое негодование ради человечности! Отец, беспокоящийся за свое дитя, вверяет его вашей заботе. О Вилларс! Услышьте! Сжальтесь! И помогите мне!

Если бы обстоятельства мне позволили, я в ответ на эти слова немедленно поехал бы в Париж. Но я вынужден был действовать через посредничество друга, который там тогда находился и присутствовал при вскрытии завещания.

Мистер Эвелин оставил мне наследство в тысячу фунтов и назначил меня единоличным опекуном над его дочерью до достижения ею восемнадцати лет, умоляя меня в самых трогательных выражениях заняться ее воспитанием до тех пор, пока она не будет способна должным

образом действовать самостоятельно. Однако что касается состояния, то он оставил дочь во всем зависимой от доброты ее матери.

Мистер Эвелин не доверил бы такой низкороденной и необразованной женщине, как миссис Эвелин, заботу о воспитании и моральных устоях своей дочери. Но все же он считал правильным не лишать ее права на уважение и послушание, которые определенно причитались ей от своего ребенка. К несчастью, ему не пришло в голову, что мать со своей стороны может обделить дочь любовью и справедливостью.

Мисс Эвелин, сударыня, со второго по восемнадцатый год своей жизни росла под моим присмотром и, за исключением времени, проведенного в школе, под моим кровом. Мне нет нужды рассказывать миледи о добродетелях этого прекрасного юного создания. Она любила меня, как отца, не менее того ценила она и миссис Вилларс. Для меня она стала так дорога, что ее потеря явилась для меня почти столь же тяжким ударом, как пережитая мной утрата жены.

В тот период ее жизни мы разлучились: ее мать, тогда вышедшая замуж за месье Дюваля, вызвала ее в Париж. Как часто я жалею, что не отправился туда с ней! Если бы я защищал и поддерживал ее, может быть, ей удалось бы избежать грядущих несчастий и позора. Говоря кратко, мадам Дюваль по наущению своего мужа усердно, или скорее тиранически, попыталась заключить союз между мисс Эвелин и одним из мужниных племянников. Обнаружив, что это не в ее силах, она пришла в ярость от провала и обращалась с дочерью крайне жестоко, угрожала ей бедностью и разорением.

Мисс Эвелин, не сталкивавшаяся до сих пор с гневом и жестокостью, не смогла стерпеть такого отношения и опрометчиво, без свидетелей, согласилась на тайный брак с сэром Джоном Белмонтом, крайне распутным молодым человеком, который успешно втерся к ней в доверие. Он обещал отвезти ее в Англию – и он сделал это. О, сударыня, остальное вам известно! Лишенный жестокими и неумолимыми Дювалями состояния жены, на которое негодяй так рассчитывал, он сжег свидетельство о браке и стал отрицать, что когда-либо был женат.

Леди Белмонт бросилась ко мне за защитой. С каким смешанным чувством радости и тревоги я ее встретил! По моему совету она попыталась найти доказательства законности своего брака – но тщетно! Ее доверчивость не могла тягаться с его хитростью.

Все верили в ее невиновность: как в силу ее непорочной незапятнанной юности, так и в силу отъявленного распутства того, кто так жестоко ее предал. Однако страдания оказались непосильными для ее хрупкого здоровья, и тот же миг, когда она произвела на свет ребенка, положил конец одновременно и скорбям, и жизни леди Белмонт.

Гнев мадам Дюваль из-за побега дочери не утихал, пока жертва ее жестокости все еще была жива. Она, вероятно, намеревалась впоследствии простить непокорную, но не успела. Когда мать узнала о ее смерти, мне сообщили, что горе и угрызения совести повлекли за собой жестокий приступ болезни. Но со времени ее выздоровления вплоть до момента написания письма к миледи я никогда не слышал о том, чтобы она выказывала желание ознакомиться с обстоятельствами смерти леди Белмонт и рождения ее беззащитного ребенка.

Эта девочка, сударыня, пока я жив, вовеки не ощутит понесенной утраты. Я лелеял, опекал и поддерживал ее с самого раннего детства вплоть до шестнадцати лет, и она настолько полно отплатила мне за заботу и любовь, что мое единственное глубочайшее желание теперь – передать ее тому, кто оценит ее по достоинству, а затем умереть в ее объятиях.

Вот как случилось, что моему попечению оказались вверены отец, дочь и внучка. Какое безграничное горе принесли мне первые двое! Если судьба моей драгоценной девочки окажется настолько же трагичной, сколь печален будет итог моих забот – и конец моих дней!

Даже если бы мадам Дюваль была достойна подопечной, на которую она претендует, я боюсь, что мне не хватило бы духа вынести разлуки. Но, учитывая, какова эта женщина, не только моя привязанность, но и мое человеколюбие протестуют против варварской идеи предать оказанное мне священное доверие. Действительно, я тяжело переносил былые ежегодные

визиты Эвелины в Говард-Гроув: простите меня, дорогая сударыня, и не думайте, будто бы я не ценю честь, которую ваша светлость великодушно оказывает мне и моей воспитаннице. Однако несчастья ее матери произвели на меня столь глубокое впечатление, что едва Эвелина скрывается с моих глаз, мной овладевают мрачные предчувствия и страхи. Вот, сударыня, в чем моя уязвимость и слабость! Но на всем белом свете у меня нет никого, кроме нее, и я уповаю, что ваша светлость по доброте своей не будет судить меня слишком строго.

Я прошу засвидетельствовать мое почтение миссис и мисс Мирван и имею честь быть, сударыня, вашим покорным и смиреннейшим слугой,

А. Вилларс

Письмо III (написано несколькими месяцами позже)

Леди Говард – к преподобному мистеру Вилларсу. Говард-Гроув, 8 марта

Уважаемый и досточтимый сэръ!

Ваше последнее письмо доставило мне бесконечное удовольствие. После такой долгой и утомительной болезни как, должно быть, вы и ваши друзья радуетесь тому, что ваш недуг отступает! Все присутствующие здесь от всего сердца желают вам пребывать в самом добром здравии.

Вы ведь не сочтете, что я злоупотребляю известием о вашем выздоровлении, если еще раз позволю себе упомянуть Говард-Гроув в связи с вашей воспитанницей? И все же вспомните, как безропотно мы покорились вашему желанию не расставаться с ней во время болезни, при том что нам стоило большого труда удержаться и не приглашать ее к нам. Особенно моей внучке: она едва смогла обуздать свое пылкое желание снова увидеться с подругой детства. Что до меня, то мне бы очень хотелось во имя несчастной леди Белмонт, к которой я некогда была так расположена, оказаться полезной ее дочери. Это, как мне кажется, лучшая дань уважения ее памяти. Поэтому позвольте мне изложить план, который мы с миссис Мирван составили, так как ваше здоровье укрепилось.

Я не хочу вас пугать, и все же: смогли бы вы разлучиться с вашей молодой подопечной на два или три месяца? Миссис Мирван предлагает провести наступающую весну в Лондоне и впервые возьмет с собой дочь. Мой добрый друг, они искренне желали бы расширить и оживить свою компанию, включив в нее вашу любезную воспитанницу, которую миссис Мирван окружит вниманием и заботой наравне с собственной дочерью. Да не утрашит вас это предложение: Эвелине пришло время увидеть свет. Когда молодых людей слишком рьяно оберегают от внешнего мира, их живое и романтическое воображение рисует его раем, из которого они изгнаны. Но если показать им мир подобающим образом и в нужное время, они увидят, каков он на самом деле: полный равно огорчений и удовольствий, надежд и разочарований.

Вам можно не опасаться ее встречи с сэром Джоном Белмонтом, так как этот порочный человек сейчас за границей и в этом году возвращаться не собирается.

Итак, мой любезный сэръ, что вы скажете об этом плане? Надеюсь, он снищет ваше одобрение. Но ежели нет, будьте уверены, что я никогда не буду возражать против любого решения человека столь уважаемого и ценимого, как мистер Вилларс. Остаюсь его покорной и смиреннейшей слугой,

М. Говард

Письмо IV

Мистер Вилларс – к леди Говард. Берри-Хилл, 12 марта

Мне будет жаль, сударыня, если вы сочтете меня упрямым, и я краснею при мысли, что вы упрекнете меня в эгоизме. Удерживая мою молодую воспитанницу так долго при себе в деревне, я исходил не только из своего собственного желания. Поскольку она, по всей вероятности, может рассчитывать лишь на очень скромное состояние, мне хотелось, чтобы она привыкла к соответствующему образу жизни. По природе душа слишком склонна к удовольствиям и так падка на легкомысленные развлечения! Я всячески старался уберечь свою воспитанницу от искушений, подготовить к оным и внушить к ним презрение. Пора уже опыту и наблюдению занять место наставлений: если я в какой-то степени сумел научить Эвелину применять опыт осмотрительно, а наблюдение – себе на пользу, я порадуюсь, что во многом поспособствовал ее благополучию. Она сейчас в том возрасте, который создан для счастья – так пусть же она насладится им! Я уверяю ее покровительству вашей светлости и надеюсь лишь, что она окажется хотя бы в половину достойна того доброго приема, который, я уверен, ей окажут в вашем гостеприимном доме.

Засим, сударыня, я с радостью подчиняюсь вашему желанию. Поручая мою воспитанницу заботам леди Говард, я стану грустить лишь из-за утраты ее общества, ведь я буду так же уверен в ее безопасности, как если бы она находилась под моим собственным кровом. Но неужто вы всерьез предлагаете познакомить ее с увеселениями лондонской жизни? Позвольте мне спросить, с какой целью, для чего? Юный ум редко бывает вовсе лишен тщеславия, обуздание которого – первый шаг к довольству: ведь чем меньше ожидаешь, тем больше наслаждаешься тем, что есть. Я лишь опасаюсь, что в Эвелине пробудятся неуместные надежды и взгляды, что тем более вероятно, учитывая природную живость ее характера. Лондонские знакомые миссис Мирван принадлежат к высшему свету. А эта безыскусная юная девушка слишком красива, чтобы не привлечь внимания, и при этом слишком чувствительна, чтобы остаться к нему равнодушной. Но ее состояние слишком невелико, чтобы великосветские джентльмены видели в ней достойную партию.

Подумайте, сударыня, сколь трагично ее положение! Эвелина – единственная дочь богатого баронета, которого она никогда в жизни не видела, к которому она имеет все причины питать отвращение, и на чье имя ей запрещено претендовать. По закону она имеет право унаследовать состояние и имение отца, но велика ли вероятность, что он *официально* признает ее? А пока он продолжает упорно отрицать свой брак с мисс Эвелин, она никогда не пожертвует честью своей матери, чтобы получить треть того, что ей причитается, как милостыню от его щедрот.

Что касается состояния мистера Эвелина, то я не сомневаюсь, что мадам Дюваль и ее родственники распорядятся им в свою пользу.

Похоже на то, что эта осиротелая девушка, хотя и является по закону наследницей двух больших состояний, должна во всем уповать на опекунов и друзей. Ее доход позволит ей жить счастливо, если она будет расположена к уединенной жизни, но не предоставит возможности наслаждаться лондонской роскошью как богатой леди.

Так позвольте, сударыня, мисс Мирван сиять в высшем свете, а моя девочка пусть по-прежнему довольствуется скромными провинциальными радостями. И пусть устремления более честолюбивые останутся ей неведомы.

Я надеюсь, вы согласитесь с моими доводами. У меня есть и другая причина, которую я считаю весомой. Я никого не хотел бы умышленно оскорбить. А мадам Дюваль, разумеется,

могла бы упрекнуть меня в несправедливости, если бы я не позволил ее внучке навестить ее, но согласился бы, чтобы Эвелина присоединилась к увеселительной поездке в Лондон.

Посылая Эвелину в Говард-Гроув, подобных угрызений совести я не испытываю. Миссис Клинтон, достойнейшая особа, в прошлом няня моей воспитанницы, а теперь моя экономка, сопровождает ее туда на следующей же неделе.

Я всегда называл Эвелину именем Энвилл и сообщил соседям, что ее отец, мой близкий друг, оставил девочку на мое попечение. И все же я счел необходимым ознакомить ее с грустными обстоятельствами ее рождения. Мне бы очень хотелось оградить Эвелину от любопытства и наглых расспросов и скрыть ее настоящую фамилию, происхождение и историю, но я ни за что не согласился бы допустить, чтобы столь скорбная повесть, услышанная из чужих уст, ранила ее нежную натуру.

Вы не должны, сударыня, ожидать слишком многого от моей ученицы, она воспитана в деревне и ничего не знает о свете. И хотя я постарался обеспечить ей самое лучшее образование в сельском приходе, от которого Дорчестер, ближайший город, находится в семи милях, я все же не удивлюсь, если вы обнаружите в ее воспитании тысячу пробелов, о которых я и не подозревал. Эвелина наверняка очень сильно изменилась со своего последнего визита в Говард-Гроув. Но более я ничего о ней не скажу; предоставляю вашей светлости полагаться на собственные наблюдения, которыми прошу вас откровенно со мною поделиться, и остаюсь, дорогая сударыня, с величайшим уважением вашим покорным и смиреннейшим слугой,

А. Вилларс

Письмо V

Мистер Вилларс – к леди Говард. 18 марта

Дорогая сударыня, это письмо будет доставлено вам моей дочерью – моей приемной дочерью, моей любимой Эвелиной. Заслуживающая тысячи любящих отцов, она отвергнута – и кем же? – отцом столь недостойным! Я посылаю ее вам, ангельски невинную и безыскусную, как сама чистота. Вместе с ней отправится моя душа, ведь Эвелина – моя единственная надежда на земле, предмет моих нежнейших мыслей и забот. Только для нее, сударыня, я хотел бы жить, и ради нее одной я бы с готовностью умер! Лишь верните ее мне таким же воплощением невинности, каким примете, и заветнейшее желание моего сердца будет полностью удовлетворено.

А. Вилларс

Письмо VI

Леди Говард – к преподобному мистеру Вилларсу. Говард-Гроув

Уважаемый досточтимый сэр!

Торжественная серьезность, с которой вы препоручили ваше дитя моим заботам, в какой-то степени умерила удовольствие от оказанного доверия. Она заставляет меня бояться, что вы жалеете о данном согласии. В таком случае я буду искренне порицать себя за настойчивость, с которой просила об этом одолжении. Но помните, мой дорогой сэр, стоит вам призвать ее обратно – и она уже через несколько дней снова будет с вами; не сомневайтесь, я не задержу ее ни на секунду против вашей воли.

Вы хотите услышать мое мнение о ней?

Она настоящий ангел! Я не удивлена, что вы стремились удержать ее при себе навсегда; не удивляйтесь же и вы, обнаружив, что это невозможно.

Лицо и весь облик Эвелины отвечают моим самым утонченным представлениям об идеальной красоте. И, хоть это и менее важное достоинство как в ваших глазах, так и в моих, невозможно не заметить, насколько она хороша собой. Если бы я не знала, кем Эвелина была воспитана, я бы при первом взгляде на эти совершенные черты переживала бы за ее благоразумие. Ведь давно и справедливо утверждается, что безрассудство зачастую идет рука об руку с красотой.

У нее такие же любезные манеры, такая же природная грация в движениях, какими я прежде восхищалась в ее матери. Ее характер кажется истинно безыскусным и простым, и в то же время, хотя природа наградила ее тонким умом и многими талантами, все ее существо дышит такой невинностью и простодушием, что это придает ей еще больше очарования.

У вас нет причин сожалеть, что Эвелина выросла в уединении, ведь та учтивость, которая обычно приобретается в светской жизни, в ней обусловлена врожденным желанием быть любезной, в придачу к обворожительным манерам.

С большим удовольствием я наблюдаю растущую привязанность между этой очаровательной девушкой и моей внучкой, чье сердце настолько же чуждо эгоизму и заносчивости, как сердце ее юной подруги – всякому лукавству. Их дружба пойдет на пользу обеим, ведь они могут брать друг с друга пример, при этом не испытывая зависти. Я бы хотела, чтобы они по-сестрински полюбили друг друга и их нежная и счастливая привязанность заняла место тех кровных уз, в которых обеим отказано.

Будьте уверены, мой дорогой сэр, что вашей девочке будет уделено не меньше внимания, чем нашей Марии. Мы все посылаем вам наши самые сердечные пожелания крепкого здоровья и счастья и нашу искреннюю благодарность за любезность, которую вы нам оказали. Остаюсь, дорогой сэр, вашей верной слугой,

М. Говард

Письмо VII

Леди Говард – к преподобному мистеру Вилларсу. Говард-Гроув, 26 марта

Не тревожьтесь, мой достойный друг, что я так скоро вынуждена вновь вас беспокоить. Я редко соблюдаю церемонии, дожидаясь ответов, редко пишу хоть сколько-нибудь регулярно, а сейчас имею неотложную причину посягнуть на ваше терпение.

Миссис Мирван только что получила письмо от своего мужа, столь долгое время отсутствовавшего, с долгожданными новостями о том, что он надеется прибыть в Лондон в начале следующей недели. Моя дочь и капитан были разлучены на протяжении почти семи лет, и поэтому нет нужды уточнять, какую радость, удивление и последовавшее смятение его неожиданное возвращение вызвало в Говард-Гроув. Миссис Мирван, конечно же, немедленно отправится в город, чтобы воссоединиться с ним. Дочь ее поедет с нею, как то велит долг. А вот я, ее мать, к прискорбию, вынуждена остаться.

А теперь, мой дорогой сэръ, я краснею и не знаю, как продолжить. Но, скажите, могу ли я попросить... Не позволите ли вы вашей воспитаннице сопровождать их? Не сочтите нас неблагоприятными, но подумайте о том, в силу скольких причин поездка в Лондон доставит ей ни с чем не сравнимое удовольствие! Путешествие в связи со столь радостным поводом, веселое общество вместо скучной жизни наедине с одинокой пожилой женщиной, при горьком осознании того, что в это время остальные члены семьи развлекаются в столице, – все эти обстоятельства заслуживают вашего внимания. Миссис Мирван просит меня заверить вас, что речь идет лишь об одной неделе, поскольку она уверена: капитан настолько ненавидит Лондон, что непременно захочет поскорее вернуться в Говард-Гроув. А Мария так искренне желает, чтобы подруга ее сопровождала, что, если вы не смилостивитесь, моя внучка лишится половины предвкушаемого удовольствия.

Однако я не буду, мой дорогой сэръ, вводить вас в заблуждение, утверждая, что они намерены жить уединенно, ведь этого едва ли возможно ожидать. Но не стоит переживать из-за мадам Дюваль, у нее нет никаких связей в Англии, и что-либо узнать она может только из сплетен и слухов. Ей наверняка незнакомо имя, которое носит ваша воспитанница, и даже если она и услышит об этой поездке, Эвелина пробудет в Лондоне так недолго – всего неделю или менее – и по такому уважительному поводу! Мадам Дюваль никак не сможет истолковать это как непочтительность по отношению к себе, когда бы ни состоялась ее встреча с внучкой.

Миссис Мирван заверяет вас, что, если вы сделаете ей одолжение, она обязуется уделять время и внимание в равной степени *обеим* своим дочерям. Она поручила своим лондонским друзьям снять для нее дом, и пока она ожидает ответа, я жду другого, от вас, относительно нашего прошения. Однако ваша дочь уже пишет вам сама, и, не сомневаюсь, ее слова прозвучат куда убедительнее, чем все наши доводы.

Моя дочь посылает вам наилучшие пожелания, но только если, как она говорит, вы удовлетворите ее просьбу.

Прощайте, мой дорогой сэръ. Мы все надеемся на вашу доброту.

М. Говард

Письмо VIII

Эвелина – к преподобному мистеру Вилларсу. Говард-Гроув, 26 марта

Говард-Гроув кажется обителью радости, на всех лицах улыбки, все смеются. Забавно наблюдать повсюду суматоху: комнату, выходящую в сад, приспособливают под кабинет капитана Мирвана. Леди Говард ни секунды не сидит на месте, мисс Мирван шьет чепцы¹, все так заняты! Такая беготня туда-сюда! Приказы то отдают, то отменяют, то снова отдают! Кругом спешка и переполох.

Но, мой дорогой сэр, мне велено обратиться к вам с просьбой. Я надеюсь, вы не подумаете, будто я сама на что-то претендую: леди Говард настаивает, чтобы я написала! И все же я с трудом представляю, как продолжить, ведь прошение подразумевает нужду, а разве вы не позаботились о том, чтобы я ни в чем не нуждалась? Воистину, это так!

Я почти стыжусь, что начала это письмо. Но дорогие леди так настойчивы, что я не могу не соблазниться удовольствиями, которые они мне сулят, если, конечно, вы не будете против.

Они собираются задержаться в Лондоне совсем ненадолго. Капитан прибудет через день или два. Миссис Мирван и ее любезная дочь поедут обе, что за счастливицы! И все же я *не слишком* стремлюсь сопровождать их: во всяком случае, я буду довольна остаться там, где я сейчас, если вы того пожелаете.

Уверенная, мой дорогой сэр, в вашем великодушии, в вашей милости и вашей снисходительной доброте, имею ли я право пожелать чего-либо, что вы бы не позволили? Поэтому решайте за меня, без малейшего опасения, что я буду удручена или расстроена. Пока я еще пребываю в неопределенности, я все же могу надеяться... Но я совершенно уверена, что, как только вы изъявите свою волю, я не буду роптать.

Говорят, Лондон сейчас великолепен. Открылось два театра, опера, сады Ранела и Пантеон. Видите, я уже выучила все эти названия! Однако прошу, не подумайте, будто бы я так уж настроена поехать, ведь я даже не вздохну, увидев, как они уезжают без меня. И все же, вероятно, другой такой возможности мне никогда не представится. И конечно, вся семья будет так счастлива, воссоединившись! Кто бы не захотел приобщиться к их радости?

Мне кажется, я околдована! Приступая к письму, я дала себе слово, что не буду настаивать, но мое перо – или скорее мои мысли – не позволяют мне сдержать его, поскольку я признаю... Я вынуждена признать: мне очень хочется, чтобы вы дали свое разрешение.

Я уже почти раскаиваюсь, что призналась в этом. Прошу, забудьте о прочитанном, если такая поездка вам совсем не по душе. Но не буду больше писать, ведь чем больше я думаю о ней, тем больше о ней мечтаю.

Прощайте, мой уважаемый, досточтимый, самый любимый отец! Ибо каким другим именем мне называть вас? Лишь ваша доброта или неудовольствие способны внушить мне радость или горе, надежду или страх. Я уверена, что вы не откажете без неоспоримых причин, и посему я с готовностью уступлю. И все же – и все же! Я надеюсь, что вы сможете позволить мне поехать! Остаюсь, с глубочайшей любовью и благодарностью, вашей покорной Эвелиной...

Я не могу подписаться в письме *к вам* как «Энвилл», но на какое иное имя я могу претендовать?..

¹ Чепцы в то время носили женщины всех возрастов, как в помещении, так и на улице, под шляпами.

Письмо IX

Мистер Вилларс – к Эвелине. Берри-Хилл, 28 марта

Противиться настойчивой просьбе я не в силах. Я не имею права лишать тебя свободы, однако ж я склонен руководствоваться осмотрительностью, дабы избавить себя в будущем от мучительных угрызений совести. Твое нетерпеливое желание оказаться в Лондоне, который воображение нарисовало тебе в красках столь привлекательных, не удивляет меня. Я лишь надеюсь, что живость твоей фантазии не разочарует тебя: отказав, я лишь раззадорил бы ее. Видеть мою Эвелину счастливой – мое единственное стремление, поэтому поезжай, дитя мое, и пусть Небеса всемогущие направят тебя, уберегут и дадут тебе сил! К Ним, дорогая моя, я ежедневно стану возносить молитвы о твоём счастье! Пусть же Господь охранит тебя, защитит от опасности, спасет от горя и оградит от посягательств порока как тебя саму, так и твое сердце! Что до меня, то дарует Он мне, старику, последнее благословление: закрыть свои глаза в объятиях той, что мне так дорога, той, что так заслуженно любима!

А. Вилларс

Письмо X

Эвелина – к преподобному мистеру Вилларсу. Куин-Энн-стрит, Лондон, суббота, 2 апреля

Этот великий момент настал: мы едем в театр Друри-Лейн! Прославленный мистер Гаррик играет Рейнджера². Я в восторге, как и мисс Мирван. Какая удача, что играть будет он! Мы не давали покоя миссис Мирван, пока она не согласилась. Возражала она главным образом из-за наших нарядов, ведь мы еще не успели *лондонизироваться*, но я и мисс Мирван ее упростили, так что будем сидеть в самом темном уголке, где ее не увидят. Меня же все равно никто не узнает, что в самой шумной, что в самой уединенной части театра.

Прервусь ненадолго. Мне даже вздохнуть некогда, скажу одно – дома и улицы не настолько великолепны, как я ожидала. Впрочем, я пока ничего толком не видела, поэтому не должна судить строго.

До свидания, мой дражайший сэр! Временно отложу перо. Я просто не могла не написать несколько слов сразу же по прибытии, хотя, наверное, мое письмо с благодарностями за ваше разрешение все еще в пути.

Вечер субботы

О мой дорогой сэр, в каком восторге я вернулась! Неудивительно, что мистер Гаррик так прославлен, что все так им восхищаются! Я и не представляла, что бывают такие прекрасные актеры!

Такая естественность! Такая живость в манерах! Такая грация в движениях! Сколько огня и выразительности в его глазах! Я с трудом могла поверить, что он заучивал роль, ведь каждая реплика казалась изреченной под влиянием момента.

Его игра – в ней столько изящества и столько свободы! Его голос – такой чистый, такой мелодичный, и при этом такие богатые интонации! Такая одухотворенность! Каждый взгляд так красноречив!

Я бы все отдала, чтобы посмотреть пьесу снова с самого начала. А когда он танцевал – о, как я завидовала Кларинде³! Я чуть было не взбежала на сцену и не присоединилась к ним!

Боюсь, вы сочтете меня сумасшедшей, посему умолкаю. Однако ж не сомневаюсь, что мистер Гаррик свел бы с ума и вас, если бы вы могли его увидеть. Я собираюсь попросить миссис Мирван ходить в театр каждый вечер, пока мы в городе. Она чрезвычайно добра ко мне, а Мария, ее очаровательная дочь, милейшая девушка в мире.

Я буду писать вам каждый вечер о том, что происходило днем: подробно и искренне, ничего не утаивая, как мне и подобает.

² Дэвид Гаррик (1717–1779) – известный британский актер. Рейнджер из комедии «Ревнивый муж» Б. Ходли (1747) – был одной из его самых популярных ролей.

³ Кларинда – одна из героинь «Ревнивого мужа», кузина Рейнджера.

Воскресенье

Сегодня утром мы поехали в портлендскую часовню⁴, а затем гуляли по аллее в Сент-Джеймс-парке⁵, которая вовсе не оправдала моих ожиданий: это длинная прямая дорога, усыпанная грязным гравием, ступать по которому очень больно, и со всех сторон вместо живописных видов – ничего, кроме кирпичных домов. Когда миссис Мирван указала мне на дворец⁶, я крайне удивилась.

Однако прогулка оказалась очень приятной, все выглядели веселыми и довольными, а дамы вокруг были такими нарядными, что мы с мисс Мирван глаз с них не сводили. Миссис Мирван встретила нескольких своих друзей. Неудивительно, ведь я в жизни не видывала столько людей в одном месте. Я пыталась высмотреть хоть кого-то из моих знакомых, но тщетно: никого из них в парке не было. Как странно! Ведь там, кажется, собрался весь свет.

Миссис Мирван говорит, что в следующее воскресенье мы в Сент-Джеймс-парк гулять не пойдем, даже если будем в городе, потому что в Кенсингтонских садах собирается куда лучшее общество; но если бы вы видели, как все были разодеты, вы бы решили, что такое просто невозможно.

Понедельник

Сегодня вечером мы едем на частный бал, который дает миссис Стэнли, светская леди из числа знакомых миссис Мирван.

Все утро мы, как говорит миссис Мирван, «закупались» шелками, кисеей, чепцами и так далее.

Ходить по лавкам весьма занятно, особенно по тем, где продают ткани. Кажется, в каждой лавке работает по шесть-семь человек, и все они кланяются и притворно улыбаются, чтобы их заметили. Нас препровождали от одного к другому, из одной комнаты в другую с такими церемониями, что я почти боялась сделать лишний шаг.

Казалось, я никогда не выберу шелк: мне принесли так много образцов, что я просто не знала, на каком остановиться. А приказчики расхваливали каждую из тканей так настойчиво, словно думали, будто уговорами можно сподвигнуть меня скупить их все. И впрямь, торговцы старались изо всех сил, и мне было почти стыдно, что я не могу себе этого позволить.

У модисток мы встретили дам таких разряженных, что я скорее подумала бы, будто они пришли с визитами, а не за покупками. Но куда больше меня позабавило, что нас чаще обслуживали мужчины, а не женщины, и какие мужчины! Такие жеманные, такие манерные! Казалось, они разбираются в каждой детали женского платья куда лучше, чем мы сами; приказчики советовали чепцы и ленты с таким важным видом, что меня так и тянуло спросить, как давно они сами перестали носить их.

Расторопность, с которой работают в этих модных лавках, просто поражает: мне пообещали доставить полный туалет⁷ уже к вечеру.

⁴ Портлендская часовня – под этим именем была известна часовня собора Св. Павла на Грейт-Портленд-стрит, построенная в 1766 г.

⁵ Сент-Джеймс-парк – один из многих королевских парков Лондона, лежащий к югу от Сент-Джеймского дворца. Генрих VIII приобрел его в XVI веке, когда дворец был королевской резиденцией. Как парк, так и гравиевая аллея были открыты для публики.

⁶ Имеется в виду Букингемский дворец.

⁷ Скорее всего, Эвелина поехала на бал в платье à la française. Оно состояло из юбки и верхнего платья с рукавами, напоминающего накидку. Спереди обычно прикалывался стомак – декоративная панель, служившая одновременно украшением и своеобразной застежкой.

Меня только что причесали. Вы даже представить себе не можете, какие странные у меня ощущения: голова полна пудры и черных шпилек, а на самом верху – большая подушка⁸. Думаю, вы едва ли узнали бы меня, потому что мое лицо выглядит совсем иначе, нежели до причесывания. Не представляю, когда я снова смогу пользоваться гребнем, ведь мои волосы настолько спутаны (*завиты*, как они это называют), что расчесаться, боюсь, будет очень трудно.

Я почти напугана этим сегодняшним балом, ведь, как вы знаете, я никогда нигде не танцевала, кроме школы. Но миссис Мирван говорит, что это нестрашно. И все же я хочу, чтобы все поскорее закончилось.

Прощайте, мой дорогой сэръ, прошу, простите меня за весь этот никчемный вздор. Возможно, пребывание в Лондоне пойдет мне на пользу, и тогда мои послания станут более достойны вашего прочтения. А пока остаюсь вашей покорной и любящей, хоть и недостаточно светской, Эвелиной.

На бедную мисс Мирван не налезает ни один из сшитых ею чепцов, потому что прическа слишком высока.

⁸ Высокие прически того времени нуждались в дополнительной поддержке, к голове могли прикалываться подушечки из конского волоса, которые затем прикрывались своими или накладными волосами.

Письмо XI

Эвелина – в продолжение. Куин-Энн-стрит, 5 апреля, утро четверга

Мне нужно столько всего рассказать, так что я посвящу письму все свое утро.

Что до моего плана писать каждый вечер о событиях дня я нахожу его неисполнимым. Все увеселения здесь приходится на столь поздние часы, что если я буду писать по возвращении домой, то не лягу спать вовсе.

Какой необычайный вечер мы провели! Это называется *частным* балом, поэтому я ожидала увидеть четыре – пять пар, – но боже! – мой дорогой сэр, там, кажется, собралось полсвета! Две огромные залы были полны гостей: в одной устроили карточные столы для пожилых леди, а другую отвели танцорам. Моя матушка Мирван – ведь она всегда называет меня своей дочерью, – сказала, что посидит со мной и Марией, пока у нас не появятся партнеры, а потом присоединится к карточной игре.

Джентльмены прохаживались туда-сюда и смотрели так, словно мы были в их полном распоряжении и только и ждали их высочайших повелений. Они прогуливались неподалеку в небрежной праздной манере, как будто имея цель держать нас в неопределенности. Я говорю не только о мисс Мирван и себе, но и обо всех дамах в целом. Меня это так возмутило! Я решила про себя, что не желаю потакать подобному зазнайству; я лучше не буду танцевать вовсе, чем приму приглашение первого же партнера, который соблаговолит осчастливить меня своим вниманием.

Вскоре после этого молодой человек, который на протяжении какого-то времени небрежно и нагло на нас поглядывал, на цыпочках подошел ко мне. Губы его застыли в деланной улыбке, а разодет он был так щегольски, что я думаю, он даже хотел, чтобы на него смотрели во все глаза. При том он был очень уродлив!

Картинно поклонившись чуть не до земли и взмахнув рукой с величайшей самонадеянностью, после короткой и нелепой паузы он сказал:

– Сударыня, вы позволите?..

Он умолк – и предпринял попытку взять меня за руку. Я отдернула ее, с трудом удержавшись от смеха.

– Даруйте мне, сударыня, – продолжил он, нарочито останавливаясь каждую секунду, – честь и счастье – если я не настолько несчастен, что запоздал с приглашением, – иметь счастье и честь...

Незнакомец снова попытался завладеть моей рукой, но, слегка поклонившись, я попросила извинить меня и повернулась к миссис Мирван, чтобы скрыть смех. Тогда он пожелал узнать, была ли я уже приглашена каким-то более удачливым джентльменом? Я ответила, что нет, и что я не буду танцевать вовсе. Он сказал, что не станет никого приглашать в надежде, что я смягчусь, а затем, бормоча какую-то нелепицу о печали и разочаровании, удалился, хотя на лице его застыла все та же неизменная улыбка.

Так случилось, как мы потом припомним, что во время этого короткого диалога миссис Мирван была занята беседой с хозяйкой дома. Вскорости после этого другой джентльмен, которому было на вид около двадцати шести лет, нарядно, но не фатовски одетый и определенно очень красивый, в манере учтивой и одновременно галантной пожелал узнать, не приглашена ли я и не окажу ли ему честь, согласившись потанцевать с ним. Так он сказал, хотя я прямо не знаю, что за честь для него в моем согласии. Подобные выражения, как я поняла, используются как само собой разумеющиеся, вне зависимости от их уместности и по отношению ко всем людям без различия.

Что ж, я поклонилась и наверняка покраснела, так меня напугала мысль о том, что мне предстоит танцевать перед столькими незнакомыми людьми и, что еще хуже, с *незнакомцем*. Однако это было неизбежно, поскольку, оглядев комнату несколько раз, я убедилась, что никого здесь не знаю. И вот джентльмен взял меня за руку и повел танцевать.

Менуэты закончились⁹ до нашего приезда, поскольку мы ждали, пока доставят наши туалеты от модисток.

Джентльмен, казалось, очень хотел побеседовать со мной, но я была охвачена такой паникой, что не могла и слова вымолвить, и лишь стыд из-за того, что я так быстро передумала, помешал мне вернуться к стулу и отказаться танцевать вовсе.

Кажется, джентльмен удивился, видя, как я испугана, – право, трудно было это не заметить! И все же он не задавал вопросов. Боюсь, он счел мое поведение очень странным, ведь я не стала ему рассказывать, что никогда не танцевала прежде, кроме как с товарками в школе.

Его речи отличались рассудительностью и живостью, держался он открыто и благородно, его бесконечно приятные манеры подкупали любезностью и обходительностью, он – сама элегантность, а выражение его лица – самое одухотворенное и выразительное, что я когда-либо видела.

Вскоре к нам присоединилась мисс Мирван, которая оказалась в соседней паре. Но как же я удивилась, когда она шепнула мне, что мой партнер был титулованным джентльменом! Это обеспокоило меня: как он будет задет, подумала я, когда узнает, что почтил своим выбором деревенскую простушку, которая совсем не знает света и оттого постоянно боится сделать что-то неправильно!

Меня крайне обескуражило, что он был настолько выше меня во всех отношениях, и, как вы можете себе представить, я не слишком приободрилась, услышав, как дама, проходящая мимо, обронила:

– Это самый сложный танец на моей памяти.

– О боже, тогда, – вскричала Мария, обращаясь к своему партнеру, – с вашего позволения, я подожду следующего танца.

– В таком случае я тоже, – воскликнула я, – поскольку едва стою на ногах!

– Но вы должны прежде сказать об этом вашему кавалеру, – ответила Мария, ведь в это самое время он отвернулся, чтобы поговорить с какими-то джентльменами. И все же у меня не хватило смелости обратиться к нему, и мы втроем ушли и сели в другом конце залы.

Но, к несчастью для меня, мисс Мирван вскоре позволила уговорить себя все-таки встать в танец и, едва поднявшись с места, воскликнула:

– Дорогая моя, вон там ваш кавалер, лорд Орвилл, ищет вас!

– Тогда не покидайте меня, дорогая подруга! – вскричала я.

Но мисс Мирван должна была идти. Теперь мне стало еще более неловко; я бы все отдала, лишь бы найти миссис Мирван и попросить ее извиниться за меня. Ведь что я смогу сказать своему партнеру в оправдание побега? Он подумает, что я либо глупа, либо безумна, ведь никто, воспитанный в свете и привыкший к его обычаям, даже представить себе не может страхов, подобных моим.

Мое смятение возросло, когда я заметила, что мой кавалер повсюду ищет меня с явной тревогой и удивлением. Но когда в конце концов он направлялся к месту, где я сидела, я была готова лишиться чувств от стыда и огорчения. Остаться на месте было совершенно невозможно, ведь я не могла сказать ни слова в свою защиту. Я встала и поспешила в сторону карточной комнаты, решив провести остаток вечера подле миссис Мирван и не танцевать вовсе. Но прежде чем я нашла ее, лорд Орвилл меня заметил и подошел ко мне.

⁹ Модные балы начинались с менуэтов – танцев, считавшихся наиболее элегантными и утонченными.

Он осведомился, не дурно ли мне. Вообразите, как я смутилась. Я не ответила, но опустила голову, как дурочка, и посмотрела на свой веер.

Тогда джентльмен с самым уважительно серьезным видом спросил, не был ли он столь неосторожен, что обидел меня?

– Разумеется, нет! – вскричала я и, в надежде сменить тему и предупредить дальнейшие расспросы, спросила, не видел ли он молодую леди, которая беседовала со мной ранее?

Нет, но не окажу ли я ему честь, передав послание для нее?

– О нет, в этом нет никакой нужды!

Нет ли кого-нибудь еще, с кем я хотела бы поговорить?

Я сказала «нет», прежде чем успела подумать.

Может ли он иметь удовольствие принести мне что-нибудь освежающего?

Я кивнула, почти против воли. И он устремился за напитками.

Мне было стыдно, что со мной столько хлопот, как будто я невеста какая важная персона. Но я была слишком смущена, чтобы думать или поступать хоть сколько-нибудь последовательно.

Если бы джентльмен не вернулся с молниеносной быстротой, я бы снова попыталась скрыться. Но он не задержался ни на минуту. Когда я выпила стакан лимонада, он выразил надежду, что я снова окажу ему честь, ведь новый танец только что начался. У меня не стало силы духа сказать ни единого слова, и я позволила ему еще раз отвести себя туда, откуда прежде сбежала.

Мне было так неловко из-за своей глупости, своего ребяческого поведения, что мои прежние страхи при мысли о том, что придется танцевать перед такой публикой и с таким партнером, нахлынули с новой силой. Полагаю, что он заметил мое смущение, поскольку начал упрашивать меня снова сесть, если танцы мне неприятны. Но, решив, что уже выставила себя в достаточно нелепом свете, я отклонила его предложение, хотя едва держалась на ногах.

Вы легко вообразите себе, мой дорогой сэръ, насколько плохо мне удалось загладить произведенное нелестное впечатление. Но, хотя я ожидала и заслуживала, что джентльмен будет крайне уязвлен и раздражен своим неудачным выбором, он, к моему величайшему облегчению, казался даже довольным и очень помогал мне, и подбадривал меня. Полагаю, эти люди из высшего света слишком хорошо владеют собой, чтобы *выказать* замешательство или дурное настроение, что бы они ни чувствовали. Ведь будь я самой важной персоной в зале, мне едва ли оказали бы больше внимания и уважения.

Когда танец закончился, видя, что я по-прежнему очень взволнована, он отвел меня к стулу, сказав, что не позволит мне утомляться вежливости ради.

Если бы я только сохранила присутствие духа и ясность мысли, в какую увлекательную беседу я могла бы вступить! Именно тогда я увидела, что знатность лорда Орвилла являлась самым малым его достоинством в сравнении с его умом и манерами. Его замечания о собравшемся обществе были такими уместными, такими точными, такими занятными! Оставалось только удивляться, что они не воодушевили меня поддержать разговор. Определенно, я слишком хорошо осознавала, какую нелепую роль сыграла перед таким проницательным наблюдателем, чтобы насладиться его шутивными замечаниями: ведь сострадание к себе вызвало во мне сочувствие к другим. И все же я не осмелилась ни попытаться защитить их, ни посмеяться в свою очередь: я слушала его в молчаливом смущении.

Поняв это, лорд Орвилл сменил тему и заговорил о лондонских достопримечательностях, увеселениях, певцах и актерах, но вскоре обнаружил, что я ничего о них не знала.

Тогда он весьма находчиво завел речь о жизни в провинции и тамошних развлечениях.

Тут я осознала, что он задался целью выяснить, способна ли я говорить *хоть о чем-то*. Это парализовало мои мысли настолько, что я отвечала односложными словами, а когда могла, то и вовсе отмалчивалась.

Так мы сидели: он – весело разговаривая, я – глупо потупившись, когда тот самый хлыщ, который первым пригласил меня на танец, с самой нелепой торжественностью приблизился и, отвесив один-два глубоких поклона, изрек:

– Я смиренно прошу прощения, сударыня, и у вас тоже, милорд, за нарушение такой приятной беседы, которая, без сомнения, куда более усладительна, нежели то, что я имею честь предложить – но...

Я рассмеялась (я краснею из-за своей глупости), прервав его напыщенную речь; и все же ничего не смогла с собой поделать. Ведь мало того, что этот человек исполнен жеманного фатовства – он брал понюшку табака через каждые три слова! Оглянувшись на лорда Орвилла, я заметила на его лице такое изумление – и по такому нелепому поводу! – что ни за что в жизни не смогла бы сохранить серьезность.

Я не смеялась ни разу с тех пор, как покинула мисс Мирван, и лучше бы я заплакала. Лорд Орвилл смотрел на меня во все глаза, щеголь (я не знаю его имени) просто-таки кипел негодованием.

– Сдержитесь, сударыня, – промолвил он с важным видом, – сдержитесь на мгновение! Лишь одним вопросом беспокою я вас. Могу ли я узнать, по какой несчастливой случайности я не был удостоен чести танцевать с вами?

– Несчастливой случайности, сэр! – повторила я, очень удивившись.

– Да, случайности, сударыня, ведь, в самом деле, я осмелюсь заметить – простите меня, сударыня!.. Это наверняка что-то из ряда вон выходящее, раз побудило леди – и такую юную, как вы, – поступить столь неучтиво.

Тогда мне впервые пришла в голову смутная идея о том, что я слышала когда-то о правилах поведения на балах. Но я никогда прежде не бывала ни на одном, я танцевала лишь в школе, и была так легкомысленна и неосмотрительна, что ни разу не подумала о том, сколь неприлично сначала отказать одному кавалеру, а затем принять приглашение другого. Меня как громом поразило, но пока эти мысли проносились в моей голове, лорд Орвилл с жаром возразил:

– Эта леди, сэр, не может заслуживать подобного обвинения!

Наглец (ведь я очень зла на него) низко поклонился и с презлальной ухмылкой сказал:

– Милорд, я далек от того, чтобы *вменять в вину* этой леди ее проницательность и предпочтение превосходящих достоинств вашей светлости.

Он снова поклонился и отошел.

Вот ведь досада! Я чуть не умерла со стыда.

– Что за фат! – воскликнул лорд Орвилл, в то время как я, сама не сознавая, что делаю, поспешно встала.

– Понять не могу, – вскричала я, – куда же подевалась миссис Мирван?

– Позвольте мне отыскать ее, – ответил он.

Я поклонилась и снова села, не осмеливаясь посмотреть ему в глаза. Что же он обо мне подумал, услышав о моем конфузе и о предполагаемом предпочтении?

Через минуту лорд Орвилл вернулся и сообщил мне, что миссис Мирван играет в карты, но будет мне рада. Я тут же поспешила к ней. Рядом был лишь один свободный стул, и, к моему величайшему облегчению, лорд Орвилл сразу нас оставил. Тогда я поведала миссис Мирван о своих бедах. Она добродушно пожурила себя за то, что не наставила меня лучше, ведь она была уверена, что мне такие общепринятые правила известны. Но, полагаю, тот неприятный человек удовлетворился своей цветистой отповедью и больше не сердится.

Вскоре лорд Орвилл вернулся. Я согласилась, со всей возможной любезностью, станцевать еще один танец, ведь у меня было время собраться с мыслями. Поэтому я решила постараться и по возможности вести себя менее глупо, чем прежде. Мне пришло в голову, что какой бы незначительной персоной я ни была рядом с обладателем такого титула и таких внешних

достоинств, раз уж он сделал столь неудачный выбор и пригласил меня, я должна показать себя наилучшим образом.

Танец, однако, оказался коротким, и лорд Орвилл говорил очень мало, поэтому у меня не было возможности претворить свое решение в жизнь. Думаю, ему хватило предыдущих безуспешных попыток разговорить меня, или скорее даже разузнать, *кто я такая*. Я снова расстроилась, и силы покинули меня. Уставшая, пристыженная и униженная, я попросила позволения посидеть до тех пор, пока мы не вернемся домой, что вскоре и произошло. Лорд Орвилл оказал мне честь, посадив в экипаж, говоря при этом о чести, которую я ему оказала! Ох уж эти светские люди!

Ну, мой дорогой сэр, разве не странный это был вечер? Я не могу удержаться от описания мельчайших подробностей, ведь для меня все совершенно в новинку. Но пора заканчивать письмо. С любовью и почтением,

ваша Эвелина

Письмо XII

Эвелина – в продолжение. Четверг, 5 апреля

Треволнениям вчерашнего вечера, похоже, не будет конца. Я только что то уговорами, то шутками выпытала у Марии подробности прелюбопытнейшего диалога. Поначалу вы удивитесь моему тщеславию, но, мой дорогой сэра, имейте терпение!

Должно быть, этот разговор состоялся, пока я была с миссис Мирван в карточной комнате. Мария воздавала должное угощению и тут увидела лорда Орвилла, направляющегося к столу с той же целью. Она его тут же узнала, а он ее нет. Мгновение спустя какой-то пышно разодетый джентльмен, нагнав его, воскликнул:

– Ну, милорд, что вы сделали со своей очаровательной партнершей?

– *Ничего!* – ответил лорд Орвилл с улыбкой, пожав плечами.

– Ей-богу, – воскликнул джентльмен, – я в жизни не видывал создания прелестнее!

Лорд Орвилл рассмеялся, – что и неудивительно, – но ответил:

– Да, хорошенькая скромная девушка.

– О милорд, – воскликнул этот безумец, – она сущий ангел!

– Весьма *молчаливый*, – ответил он.

– Как это возможно, милорд? Она кажется воплощением ума и красноречия.

– Бедная глупышка! – вздохнул лорд Орвилл, покачав головой.

– Ей-богу, я рад это слышать!

В этот момент тот отвратительный тип, мой недавний мучитель, присоединился к ним. Почтительно обратясь к лорду Орвиллу, он сказал:

– Прошу прощения, милорд, если я был – боюсь, что так оно и есть! – слишком суров, обвинив леди, которая удостоена вашего покровительства, – но, милорд, невоспитанность так трудно стерпеть!

– Невоспитанность! – воскликнул мой незнакомый защитник. – Невозможно! Такое прелестное лицо не может оказаться лживой маской!

– О сэра, что до этого, – возразил несносный хлыщ, – позвольте *мне* быть судьей. Хотя я всецело уважаю ваше мнение в других вещах, я все же надеюсь, что вы согласитесь, – я взываю также и к вам, милорд, – что я вовсе не никудышный судья в вопросе хороших или дурных манер.

– Я ничего не знал, – ответил лорд Орвилл серьезно, – о нанесенной вам обиде и поэтому не мог не удивиться вашему бурному негодованию.

– В мои намерения вовсе не входило задеть вашу светлость, но, в самом деле, для особы, которая никто и ничто, так важничать... Признаюсь, я не смог сдержать гнева. Ведь, милорд, несмотря на все мои дотошные расспросы, я так и не смог узнать, кто она.

– Из чего я заключаю, – воскликнул мой защитник, – что она, должно быть, дочка провинциального священника.

– Хи-хи-хи! Отлично сказано, клянусь честью! – вскричал фат. – Именно так, судя по ее манерам.

Он расхохотался и ушел, в восторге от собственного остроумия; не иначе как чтобы блеснуть им перед кем-нибудь еще.

– Что, черт возьми, все это значит? – спросил нарядный джентльмен.

– Вся эта история – глупость, да и только, – ответил лорд Орвилл. – Ваша Елена¹⁰ сначала отказала этому хлыщу, а затем танцевала со мной. Вот все, что я уразумел.

– Эх, Орвилл, – воскликнул он, – да вы счастливец! Но *дурно воспитана?* Никогда не поверю! С виду она слишком умна, чтобы быть *невежественной*.

– Невежественная или же дерзкая, я не берусь судить. Могу сказать одно: она выслушивала с неизменной серьезностью все, что я ей говорил, хотя я изрядно утомился в бесплодных попытках развлечь ее. Но стоило Ловелу начать жаловаться, как на нее напал приступ смеха: сначала она оскорбила беднягу, а затем наслаждалась его унижением.

– Ха-ха-ха! Не лишено изобретательности, милорд, хоть и *отдает деревней*.

Тут Марию пригласили танцевать, и больше она ничего не слышала.

Теперь скажите мне, мой дорогой сэръ, сталкивались ли вы когда-нибудь с подобным? Что за досада!

«Бедная глупышка», «невежественная или дерзкая»! Какие унижительные, обидные слова! Но я твердо решила никогда больше не ездить на балы. Лучше бы я осталась в Дорсет-шире!

После этого вас вряд ли удивит, что лорд Орвилл всего лишь осведомился о нашем здоровье сегодня утром, прислав слугу и не потрудившись нанести визит, хотя мисс Мирван уверяла, что он непременно явится сам. Но, возможно, это всего лишь провинциальный обычай.

Я ни за что не хотела бы здесь жить. Мне безразлично, задержимся мы на подольше или нет. От Лондона быстро устаешь. Поскорее бы приехал капитан. Нынче вечером миссис Мирван собирается в оперу, но мне совершенно все равно.

Утро среды

Мой дорогой сэръ, должна признать, что вчера я поневоле получила большое удовольствие. Ведь я отправилась в оперу в очень плохом настроении, что вас, конечно же, не удивит. Но божественная музыка и прекрасное пение меня утешили и преисполнили наслаждением и благодарностью, столь подходящими к моему нынешнему положению в свете. Я надеюсь уговорить миссис Мирван снова поехать в оперу в субботу. Ах, если бы оперу давали каждый вечер¹¹! Из всех развлечений это самое отрадное, самое восхитительное! Несколько арий расстрогали меня до глубины души. Это то, что называется *серьезной оперой*, потому что *солист-комик заболел*¹².

Завтра мы поедем в сады Ранела¹³. Что, если кто-то из тех трех джентльменов, которые меня так вольно обсуждали, будут там?.. Но я не стану об этом думать.

¹⁰ Елена – персонаж древнегреческой мифологии, красивейшая из женщин. Из-за ее похищения Парисом началась Троянская война.

¹¹ Итальянская опера считалась модным развлечением для высших классов, Берни подчеркивает утонченность вкусов Эвелины.

¹² В 1770-х в Королевском театре с декабря по июнь спектакли давались два раза в неделю. Они были трех видов: *opera seria* – «серьезная опера», *opera buffa* – «комическая опера» и балет. Публика особенно стремилась послушать отдельных певцов, включая кастратов, часто приезжавших из Италии. Лишь небольшое количество опер исполнялось на итальянском языке, хотя оперный театр был очень модным местом.

¹³ Один из т. н. «развлекательных садов» – Ранела – был основан в 1742 году и считался наиболее изысканным среди конкурентов – садов Воксхолл и Мэрибуун. Здесь, как и в других подобных местах, проходили концерты, маскарады и танцы.

Утро четверга

Итак, мой дорогой сэръ, мы побывали в садах Ранела. Это очаровательное место: когда я только вошла, огни сияли так ярко, что мне показалось, будто я попала в заколдованный замок или сказочный дворец: вокруг царило самое настоящее волшебство.

Первым, кого я увидела, был лорд Орвилл. Я так смутилась! Но он меня не заметил. После чая миссис Мирван почувствовала усталость; мы с Марией прогуливались по зале вдвоем и снова увидели его рядом со сценой. Мы тоже остановились, чтобы послушать пение. Лорд Орвилл поклонился мне, я сделала реверанс и наверняка покраснела. Вскоре мы двинулись дальше, потому что место показалось нам не самым удобным. Лорд Орвилл не последовал за нами, а когда мы снова проходили мимо сцены, уже ушел. Позже на протяжении вечера мы сталкивались с ним еще несколько раз, но он всегда был в компании знакомых и ни разу не заговорил с нами. Но когда наши взгляды встречались, он был так любезен, что достаивал меня поклоном.

Конечно же, я задета его нелестным мнением обо мне. Безусловно, мое поведение тому виной. Меж тем он самый приятный и, кажется, самый любезный человек на свете! Вот почему я расстроена, что он думает обо мне плохо. Ведь к чьему еще уважению стремиться, если не к уважению тех, кто заслуживает нашего собственного? Теперь уже поздно об этом думать – но как удержаться? Однако, полагаю, с балами для меня покончено.

Сегодняшнее утро было отведено знакомству с достопримечательностями, аукционами, антикварными лавками¹⁴ и так далее. Но у меня болела голова, и совсем не хотелось развлекаться, поэтому я, хоть и с трудом, уговорила миссис Мирван с дочерью ехать без меня. Они сама доброта!

Теперь я очень жалею, что не присоединилась к ним, потому что знать не знаю, чем себя занять. Я было решила, что не поеду в театр сегодня, но, может быть, и передумаю... Словом, мне все равно.

* * *

Я так и знала, что зря осталась дома! Миссис Мирван и Мария объездили полгорода и столько всего интересного повидали! Пока я, как дурочка, сидела в четырех стенах и ничего не делала. И кого же они повстречали на аукционе на Пэлл-Мэлл, как не лорда Орвилла! Он сидел рядом с миссис Мирван, и они долго беседовали, но она не рассказала мне, о чем.

Вероятно, другой такой возможности посмотреть Лондон мне больше никогда не представится; я жалею, что не поехала, но я сама виновата, что поддалась плохому настроению.

Вечер четверга

Мы только что вернулись со спектакля «Король Лир», – и он был такой грустный! Никого из знакомых мы не встретили.

На сем прощаюсь, час слишком поздний, чтобы писать подробнее.

¹⁴ На аукционах можно было купить мебель, картины и другие произведения искусства. В антикварных лавках приобретались экзотические и необычные предметы.

Пятница

Приехал капитан Мирван. У меня не хватает духа описать первую встречу с ним, так неприятно он меня поразил. Капитан мне не нравится, он кажется сварливым невоспитанным грубияном.

Едва он увидел Марию, как принялся бестактно шутить о форме ее носа и назвал ее нескладной дылдой. Она все снесла с неизменным добродушием. Но такая милая и любезная женщина, как миссис Мирван, заслуживает лучшей доли. Я удивлена, что она вышла за него замуж.

Что до меня, то я была так смущена, что едва обменялась с капитаном двумя-тремя словами. Не понимаю, почему семья так рада его возвращению. Если бы он провел всю жизнь за границей, полагаю, им скорее следовало бы благодарить судьбу, а не сокрушаться. Но надеюсь, они не думают о нем так плохо, как я. А даже если так, я уверена, они слишком благоразумны, чтобы это выказать.

Вечер субботы

Мы были в опере, и мне понравилось еще больше, чем во вторник. Мне бы показалось, что я в раю, если бы не люди вокруг: они разговаривали, не умолкая. Мы сидели в партере, где все были так модно одеты, что если бы представление нравилось мне меньше, я бы достаточно развлеклась, просто рассматривая дам.

Я порадовалась, что не сидела рядом с капитаном, потому что он очень грубо отзывался и о музыке, и о певцах – словом, все вызывало у него крайнее раздражение. Когда опера закончилась, мы отправились в место, называющееся кофейней¹⁵, где собираются как леди, так и джентльмены. Там подают самые разные закуски и напитки, и все вокруг прогуливаются и разговаривают так же вольно, как в отдельном кабинете¹⁶.

В понедельник мы поедем на ридотто¹⁷, а в среду вернемся в Говард-Гроув. Капитан говорит, что хватит с него коптиться в лондонском чаду: прокоптившись семь лет под палящим солнцем, он вернется в деревню и там-то и встанет на якорь под погожим небом!

Прощайте, мой дорогой сэръ.

¹⁵ Кофейня в Королевском театре в 1770-х скорее напоминала модный клуб, в котором собиралась светская публика, предпочитавшая общение просмотру спектаклей.

¹⁶ Под отдельным кабинетом подразумевается так или иначе отгороженная кабинка в заведении общественного питания, где компания могла уединиться от остальной публики.

¹⁷ Ридотто – особое увеселение на открытом воздухе, включавшее в себя танцы и музыкальный концерт, в Англии впервые появилось в 1722 году. Особенно популярны были *ridotto al fresco* в садах Воксхолл.

Письмо XIII

Эвелина – в продолжение. Вторник, 12 апреля

Мой дорогой сэръ!

Мы вернулись с ридотто так поздно или, точнее, так рано, что я не могла сесть за письмо. Мы уехали только (вы ужаснетесь, услышав это) после одиннадцати, но раньше не уезжает никто. Природный порядок поставлен с ног на голову! Мы спим, когда светит солнце, а просыпаемся с луной.

Зала была великолепна, освещение и убранство прекрасны, а какое блестящее веселое общество там собралось! Но мне сразу следует сказать вам, что я долго протестовала, прежде чем присоединиться к Мирванам, ведь я решила, что останусь дома. Но Мария высмеяла мои колебания, и поэтому я – снова – поехала на бал¹⁸.

Мисс Мирван танцевала менуэт, но я не осмелилась последовать ее примеру. Когда мы прогуливались по зале, я увидела лорда Орвилла. Он был один, но не заметил нас. И все же, так как он был без компании, я предположила, что он, возможно, присоединится к нам. Хотя я и не особо хотела танцевать, с ним я была знакома лучше, чем с кем-либо еще в зале. Признаюсь, я подумала, что было бы в тысячу раз приятнее снова танцевать с лордом Орвиллом, нежели с каким-нибудь незнакомцем. Разумеется, после всего случившегося было нелепо даже предполагать, что лорд Орвилл снова почтит меня своим выбором. Однако я не могу не рассказать вам о своих глупых надеждах, чтобы объяснить то, что произошло дальше.

Мисс Мирван вскоре пригласили, и после этого очень модно одетый и беззаботный джентльмен примерно лет тридцати обратился ко мне и пригласил на танец. Кавалер Марии был из числа знакомых миссис Мирван. Перед выездом она рассказала нам, что считается в высшей степени неприличным для молодой леди танцевать с незнакомцами на публичном балу. Конечно же, я ни в коем случае не желала погрешить против приличий, и в то же время мне не хотелось воздерживаться от танцев вовсе. Не осмелилась я и отказать этому джентльмену, как мистеру Ловелу, а затем пойти танцевать с кем-нибудь знакомым. Вот почему (о, мне стыдно писать вам об этом!) я сказала ему, что *уже приглашена*. Таким образом я хотела сохранить за собой возможность танцевать или нет, в зависимости от обстоятельств.

Кажется, своим смущением я себя выдала, потому что джентльмен посмотрел на меня недоверчиво. Вместо того, чтобы удовлетвориться моим ответом и уйти, как я того ожидала, он пошел со мной рядом и с величайшей непринужденностью завел беседу, да такую вольную, какая уместна только при давнем и близком знакомстве. Но что самое оскорбительное – он задал мне тысячу вопросов о *кавалере, который меня пригласил*, и в конце концов заявил:

– Возможно ли, что человек, чье приглашение вы соизволили принять, не спешит к вам, чтобы воспользоваться оказанной честью?

Я почувствовала себя преглупо и попросила миссис Мирван проводить меня к стулу, что она очень любезно и сделала. Капитан занял место возле нее. К моему вящему удивлению, джентльмен последовал за нами и уселся рядом со мной.

– Что за бесчувственный чурбан! – продолжал он. – Вы, сударыня, пропускаете самый восхитительный в мире танец! Этот ваш партнер, должно быть, безумен или глуп. К чему вы сами больше склоняетесь?

– Ни к тому, ни к другому, сэръ, – ответила я в замешательстве.

¹⁸ В оригинале – assembly, т. е. публичный бал. Берни подчеркивает разницу между частным балом у миссис Стэнли и публичным.

Он извинился за вольность своего предположения, сказав:

– Я не сдержался, будучи до крайности удивлен, что кто-то может быть настолько врагом самому себе. Но куда же он подевался, сударыня? Он покинул залу? Или еще не приехал?

– Право же, сэр, – раздраженно сказала я, – я ничего о нем не знаю.

– Не удивлен, что вы расстроены, сударыня, это и впрямь досадно. Лучшая часть вечера пропадет зря. Он не заслуживает, чтобы вы его ждали.

– Я не жду, сэр, и прошу вас не...

– Это воистину унизительно для леди, – перебил он, – ждать джентльмена! Фи! Какой легкомысленный человек! Что же могло его задержать? Позвольте ли вы мне поискать его?

– Как вам будет угодно, сэр, – ответила я в ужасе, как бы миссис Мирван не услышала. Она была очень удивлена, видя, что я беседую с незнакомцем.

– С превеликим удовольствием! – воскликнул джентльмен. – Скажите, какой на нем камзол?

– Право же, я не заметила.

– Позор на его голову! Как? Он обратился к вам, будучи одет в камзол, который и взгляда не стоит? Вот ведь жалкий оборванец!

Что за нелепость! Я не смогла удержаться от смеха, тем самым, боюсь, поощрив своего собеседника, потому что он продолжил:

– Очаровательное создание! Вы в самом деле способны переносить дурное обращение с такой добротой? Вы в силах, как *надгробная Покорность*¹⁹, улыбаться, хоть и расстроены? Пусть я и не являюсь пострадавшей стороной, мое возмущение столь велико, что я жажду задать ему хорошую трепку прямо здесь!

Он умолк и испытующе посмотрел на меня.

– Если только вы не *сами* выдумали этого кавалера?

Я ужасно смутилась и не смогла ответить.

– Но нет! – снова воскликнул он с жаром. – Вы не можете быть столь жестоки! О, сколько кротости в твоих очах²⁰! Конечно же, вы не стали бы так варварски и бездушно смеяться над моим несчастьем!

Я с отвращением отвернулась, не желая слушать эту чушь. Миссис Мирван заметила мое смятение, но не знала, что и думать, а я не могла объяснить ей причину так, чтобы не услышал капитан. Тогда я предложила пройтись. Она согласилась, и мы все встали. Но вы не поверите, этот безумец имел наглость встать и пойти рядом со мной, как будто принадлежал к нашей компании!

– Теперь, я надеюсь, мы увидим этого неблагодарного. Не этот ли? – воскликнул назойливый кавалер, указывая на хромавшего пожилого джентльмена. – Или вон тот?

Так он спрашивал меня о каждом, кто был стар или безобразен. Я не отвечала. Когда он понял, что я твердо решила молчать и идти, по возможности не замечая его, он внезапно топнул ногой и неистово закричал:

– Дурак! Идиот! Болван!

Я торопливо обернулась к нему.

– О сударыня, – продолжал он, – простите мою горячность, но я подумал о том, что в мире существует негодяй, способный пренебречь блаженством, ради которого я бы отдал жизнь! О, мне бы только с ним повстречаться, уж я бы... Но я начинаю злиться, простите, сударыня. Мой нрав неистов, а обида, нанесенная вам, глубоко меня задевает!

Я заподозрила, что он сумасшедший, и посмотрела на него в крайнем изумлении.

¹⁹ Отсылка к «Двенадцатой ночи» Шекспира (пер. М. Лозинского).

²⁰ Кротость очей – общее место в литературе того периода. Сэр Клемент не использует прямой цитаты, но пентаметр подчеркивает расхожесть его слов.

– Вижу, вы тронуты, сударыня, – промолвил он. – Великодушное создание! Но не тревожьтесь, я уже остыл, в самом деле, остыл, богом клянусь. Умоляю вас, прекраснейшая из смертных, заклиная, будьте спокойны.

– Право же, сэр, – сказала я очень серьезно, – я вынуждена настаивать, чтобы вы ушли, мы с вами не знакомы, я равно не привыкла и испытываю отвращение к вашим речам и манерам.

Мои слова, кажется, произвели на него некоторое впечатление. Он низко поклонился, попросил прощения и заверил, что никоим образом не хотел меня оскорбить.

– Тогда, сэр, оставьте меня! – вскричала я.

– Ухожу, ухожу, сударыня! – ответил этот человек с самым трагичным видом и устремился прочь. Но, едва я успела поздравить себя с избавлением, он снова был тут как тут.

– Вы действительно позволите мне уйти и не пожалеете? Вы способны видеть, как я невыразимо страдаю, и при этом благоволить этому злодею, который вас избегает? Неблагодарный щенок! Уж я бы его отделал!

– Ради всего святого, дорогая, – воскликнула миссис Мирван, – о ком он говорит?

– Я не знаю, сударыня, – отвечала я, – но мне бы хотелось, чтобы он оставил меня в покое.

– Что тут происходит? – спросил капитан.

Мой преследователь низко поклонился и сказал:

– Я всего лишь пытаюсь устранить небольшое препятствие, из-за которого эта молодая леди не желает танцевать со мной, сэр. Я буду очень обязан вам, если вступитесь за меня.

– Эта леди, сэр, – холодно сказал капитан, – сама себе хозяйка.

И отошел с угрюмым видом.

– А вы, сударыня, – и наглец обрадованно обернулся к миссис Мирван, – вы, надеюсь, будете столь добры и замолвите за меня словечко?

– Сэр, – ответила она строго, – я не имею удовольствия вас знать.

– Надеюсь, когда вы меня узнаете, сударыня, – воскликнул он, несколько не смутившись, – вы почтите меня своим расположением! А пока я вам еще не знаком, будет воистину великодушно с вашей стороны меня поддержать. И, лышу себя надеждой, вы об этом не пожалеете.

– Я несколько не сомневаюсь, что вы, сэр, являетесь джентльменом, но... – смущенно отвечала миссис Мирван.

– Но *что*, сударыня? Это сомнение отброшено, к чему же «но»?

– Хорошо, сэр, – промолвила миссис Мирван с добродушной улыбкой. – В таком случае я буду с вами так же откровенна, и посмотрим, что из этого получится. Я вынуждена сказать вам раз и навсегда...

– О, извините, сударыня! – горячо перебил ее странный собеседник. – Вы не должны продолжать в такой манере, «раз и навсегда». Нет, если я и в самом деле был слишком *откровенен*, и как *мужчина* заслуживаю упрека, помните, дорогие леди, что если вы станете мне *подражать*, то должны будете по справедливости *простить* меня.

Мы обе в изумлении глядели на этого сумасброда.

– Будьте же благороднее, чем представительницы вашего пола, – продолжал он, повернувшись ко мне, – удостойте меня одним танцем и забудьте об этом неблагодарном, который несколько не заслуживает вашего снисхождения.

Миссис Мирван удивленно посмотрела на нас обоих.

– О ком он говорит, моя дорогая? Вы ни словом не упоминали...

– О, сударыня! Он и недостойн упоминания. Жаль, что он вообще появился, но давайте же забудем о том, что он существует. Один танец – это все, о чем я прошу! Позвольте мне,

сударыня, иметь честь пригласить эту молодую леди. И до конца дней своих я буду вам благодарен за оказанную любезность.

– Сэр, – ответила миссис Мирван, – я не оказываю любезностей незнакомцам.

– Если вы до сих пор распространяли свое благоволение лишь на ближайших друзей, разрешите мне стать первым из незнакомцев, которому оно будет оказано.

– Сэр, я не знаю, что сказать, но...

Он прервал ее речь бесчисленными и столь пылкими мольбами, что она, в конце концов, сказала, что я либо должна протанцевать с этим джентльменом один танец, либо вернуться домой, чтобы избавиться от его назойливости. Я не знала, что выбрать, но мой неумный мучитель добился своего, и я была вынуждена согласиться танцевать с ним.

Так моя ложь была наказана, и так непоколебимая дерзость этого человека восторжествовала.

Пока мы еще не были настолько вовлечены в танец и могли продолжать беседу, он всячески надоедал мне расспросами о *моем партнере* и пытался всеми способами заставить меня подтвердить, что я слукавила. Хотя я ни за что не унизила бы себя подобным признанием, моя ложь была слишком очевидна.

Лорд Орвилл, кажется, не танцевал вовсе. Похоже, что у него очень много знакомых, так что он присоединялся то к одной группе гостей, то к другой. Я вовсе не обрадовалась, когда несколько минут спустя после того, как я ушла танцевать, он подошел к месту, где я только что сидела, поклонился и вступил в беседу с миссис Мирван!

Вот ведь досада: и почему я не выстояла чуть дольше перед назойливым незнакомцем? Когда мы дошли до конца колонны, я поспешила было прочь, но он остановил меня, сказав, что я никак не могу уйти, никого не оскорбив, прежде чем мы исполним свой долг, протанцевав положенные фигуры по направлению к началу сета²¹. Поскольку я ничего не знаю обо всех этих правилах и обычаях, я была вынуждена подчиниться. По правде говоря, я была сама не своя, так что он заметил мою рассеянность и в своей развязной манере поинтересовался:

– Что вас тревожит? Почему вы постоянно отводите свои прекрасные глаза?

– Я хотела бы, чтобы вы больше не заговаривали со мной, сэр! – вскричала я раздраженно. – Вы и так испортили мне весь вечер.

– Святые небеса! Что же я сделал? Чем заслужил такой упрек?

– Вы замучили меня до смерти, вы едва ли не силой увели меня от моих друзей и навязали мне свое общество против моей воли.

– В самом деле, дорогая сударыня, нам следовало бы лучше ладить, ведь есть что-то общее в искренности наших натур. И все же, не будь вы ангелом, как бы я вынес подобное оскорбление?

– Если я задела вас, сэр, – вскричала я, – вам всего-то и нужно, что меня оставить – о, как бы мне этого хотелось!

– Прелестное создание, – сказал он, едва сдерживая смех, – где же вы воспитывались?

– Там, где я искренне хотела бы сейчас оказаться!

– Для вас, конечно же, не секрет, что, при всей вашей красоте, подобное очаровательное негодование лишь усиливает ваш восхитительный румянец!

– Вольность вашего поведения, сэр, для ваших близких знакомых, возможно, менее неприятна, но для *меня*...

²¹ На балах в описываемый период танцевали контрдансы – танцы, в которых чаще всего пары делились на первые и вторые. Кавалеры и дамы стояли в линиях друг напротив друга, составляя сет. Выполняя фигуры, первые пары менялись местами со вторыми, спускаясь вниз по сету, в то время как вторые в процессе танца поднимались вверх. Таким образом пройдя сет до конца, первая пара выжидала один музыкальный фрагмент в конце линии, после чего становилась второй. Сэр Клемент говорит, что, согласно тогдашним правилам приличия, они с Эвелиной должны были протанцевать контрданс и как вторая пара, поднявшись вверх по сету.

– Вы правы, – вскричал он, перебивая меня, – да, я и в самом деле куда более приятен при близком знакомстве, впоследствии вы будете мною очарованы.

– Впоследствии, сэра, я надеюсь никогда не...

– О, тсс! Тсс! Разве вы забыли, в каком положении я вас застал? Разве вы забыли, что, когда вы были покинуты, я следовал за вами, когда вас предали, я восхищался вами? Если бы не я...

– Если бы не вы, сэра, я, возможно, была бы счастлива.

– Должен ли я заключить, что *без меня* ваш *партнер* объявился бы? Бедняга! Неужели мое присутствие отпугнуло его?

– Я хотела бы, чтобы *его* присутствие, сэра, отпугнуло *вас*!

– Его присутствие! Так что же, вы его видите?

– Возможно, что и вижу, сэра, – воскликнула я: так надоели мне его остроты.

– Где же? Где? Ради бога, покажите мне этого негодяя!

– Негодяя, сэра?

– О, дикарь! О, низкий, подлый, презренный щенок!

Не знаю, что на меня нашло, но моя гордость была ранена, я до смерти устала, словом, я имела неосторожность, взглянув на лорда Орвилла, повторить:

– *Презренный*, вы полагаете?

Мой кавалер немедленно посмотрел в ту же сторону, что и я.

– Так значит, это он?

Я не ответила. Я не могла сказать да, но и возразить не пожелала, поскольку надеялась избавиться от докучных поддразниваний благодаря его ошибке.

Как только мы дошли до начала колонны, исполнив свой так называемый долг, я настоятельно попросила проводить меня к миссис Мирван.

– К вашему *партнеру*, я полагаю, сударыня? – сурово поправил мой кавалер.

Эти слова привели меня в замешательство. Я испугалась, что этот злокозненный человек, не зная о высоком положении лорда Орвилла, обратится к нему и скажет что-нибудь такое, что выдаст мою уловку. Вот глупая, поставила себя в такое неловкое положение! Как я боялась теперь того, чего прежде желала! Поэтому, чтобы *избежать* лорда Орвилла, я была вынуждена *сама* предложить протанцевать еще один танец, хотя при этом сторала со стыда.

– Но как же ваш *партнер*, сударыня? – спросил мой кавалер, притворяясь всерьез обеспокоенным. – Возможно, ему не понравится, что я удерживаю вас. Если вы позволите мне спросить его разрешения...

– Ни в коем случае!

– Кто он, сударыня?

Хотела бы я оказаться за сотню миль от бальной залы! Он повторил свой вопрос.

– Как его зовут?

– Никак! Никто! Я не знаю...

– Как? Не знаете? – с самым что ни на есть торжественно-серьезным видом изрек он. –

Позвольте мне, сударыня, предостеречь вас: никогда не танцуйте в обществе с незнакомцем, с тем, чье имя вам не известно, кто, чего доброго, оказался бы авантюристом, беспринципным человеком, подумайте, с каким дерзким обращением вы могли бы столкнуться!

Что за нелепица! Несмотря на всю на мою досаду, я не сдержала смеха.

В этот момент к нам подошла миссис Мирван в сопровождении лорда Орвилла. Как вы понимаете, я разом посерьезнела. Но вообразите себе мой ужас, когда неугомонный незнакомец, не иначе как посланный покарать меня за притворство, воскликнул:

– Ха, милорд Орвилл! Уверяю, я вас не узнал. Чем я могу оправдаться, что узурпировал вашу даму? И все же, воистину, милорд, как можно было пренебречь таким сокровищем?

Невозможно описать словами мой стыд и смущение. Кто мог подумать, кто мог предвидеть, что этот человек знаком с лордом Орвиллом? Но ложь столь же непростительна, сколь и небезопасна.

Лорд Орвилл, вполне ожидаемо, не смог скрыть изумления.

– Не каждый обладает философским бесстрашием вашей светлости, – продолжал отвратительный тип. – Я приложил все усилия, чтобы развлечь эту леди, хотя, боюсь, безуспешно. Ваша светлость были бы немало польщены, если бы знали, с каким невероятным трудом я добился чести протанцевать с ней всего один танец.

И он повернулся ко мне, сгоравшей от стыда. Лорд Орвилл недвижно стоял рядом, а миссис Мирван не знала, что сказать, и тут наглец внезапно схватил меня за руку.

– Подумайте, милорд, с какой неохотой я уступаю вашей светлости ручку этой прекрасной леди!

В тот же момент лорд Орвилл принял у него мою руку. Я сильно покраснела и попыталась высвободить ее.

– Вы оказываете мне большую честь, сэра, – вскричал странный незнакомец, галантно целуя мою руку перед тем, как ее выпустить, – и все же я был бы счастлив этой честью воспользоваться, если сия дама (поворачиваясь к миссис Мирван) позволит мне составить юной леди компанию.

Я не могла вынести мысли о том, чтобы лорда Орвилла едва не силой принуждали танцевать со мной, и пылко вскричала:

– Ни в коем случае! Ни за что на свете! Я прошу...

– Окажете ли вы мне честь, сударыня, поддержав мои искания? – воскликнул мой мучитель. – Могу ли я пригласить эту юную леди?

– Нет, сэра, – ответила я, отворачиваясь от него.

– Но что же делать, моя дорогая? – растерялась миссис Мирван.

– Ничего, сударыня, то есть что угодно...

– Так вы танцуете или нет? Видите, его светлость ждет.

– Я надеюсь, нет... Я прошу... Я ни за что на свете не... Я уверена, что должна, должна...

Я беспомощно умолкла. Но самоуверенный тип, решив во что бы ни стало разузнать, обманула я его или нет, заявил ожидавшему лорду Орвиллу:

– Милорд, я могу вкратце объяснить положение, которое пока кажется таким запутанным. Эта леди предложила мне протанцевать еще один танец. Ничто не могло сделать меня более счастливым, я лишь хотел получить разрешение вашей светлости. Ежели вы его дадите, я уверен, все будет улажено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.